

Творческая работа

Проза

Я вернулся домой, мама

Выполнила:

Брюханова Елизавета Александровна

учащаяся 11 “Л” класса

МБОУ Гимназия №25, Россия, г. Иркутск

Я вернулся домой, мама

- Я вернулся, мама.

Давно пустующий дом отозвался землистым дыханием старухи, древней как мир:

- Я тебя не ждала.

Стены из серого дерева, пропитанного солью ее слез и мором, приняли в себя чужака. Подошвы его грубых, подбитых гвоздями ботинок крепко вжимались в прогнившие половицы, и те с каждым шагом жалобно скрипывали под невыносимой тяжестью задубевшего с годами тела. Чужак почти ласково огладил запылившийся стол. От его натруженной ладони, вспоминаяющей все трещинки, сколы и изгибы, пахло жостью, нефтью и застарелой кровью.

- Где же огонь и еда? Ты не рада меня видеть?
- Ты уже сжег все, что могло гореть. Съел все, что можно было употребить в пищу. Что подать тебе? Мои старые иссохшие останки? В них не осталось даже костного мозга, который ты мог бы высосать.

Чужак тяжело опустился на скамью, обхватил голову дрожащими руками и тихо произнес:

- Даже спустя столько лет ты меня ненавидишь.
- Нет. Ненависть - это твое чувство. Вспомни, что ты сделал, когда покидал меня. Ты уничтожил мои поля и зарезал весь мой скот.
- Нам нужна была пища.
- Нет, - просипел ледяной сквозняк из темных, оплесневевших углов. - Пищи было достаточно. Ты свалил освежеванные, но нетронутые

туши овец в кучу. Я до сих пор помню сладкий запах разложения, долгие недели дымившийся над курганом.

Челюсти чужака сжались до скрипа зубов.

- Это было случайностью.
- Нет, - горько улыбнулась бархатная, беззвездная ночь в незастекленное окно. - В глубине души ты надеялся, что, потеряв все, я последую за тобой.
- И я ошибся! - чужак закричал громко, не жалея горла, до болезненной хрипоты. - Будь в тебе хоть капля любви, ты бы пошла за мной. Но ты, - в исступлении он ударил кулаком по столу, засаживая занозу глубоко в свою железную ладонь, - ты никогда не любила меня!

Смертельный жар вызревающей лихорадки, бьющая в виски кровь, холодное дыхание сумерек, сырость, стелющаяся по болоту за окном, выкручивали чужаку сердце.

- Я любила тебя так же сильно, как своих овец.

Он знал, он помнил это. Помнил, как тысячи лет назад она лежала рядом с ним на свежескошенной, пахучей траве, выкармливая теплым сладким молоком, а затем молча вставала и, не покрывая груди, уходила в поля за заблудившимся стадом, пока он за ее спиной бессильно захлебывался жалким криком. Вокруг него в кустах с тихим шелестом скользили змеи, где-то в синюющих необъятных небесах хищно кричали вороны, а он, открытый и беззащитный перед миром, рыдал в ужасе и ждал ее, мать.

- Я заслуживал большего. Всегда заслуживал.
- И ты получил.
- Все, кроме тебя.

- Я видела. И, как любая мать, всегда верила в тебя. Верила, когда ты был наг и бос, верила, когда ты учился ходить, верила, когда твоими руками воздвигались города, верила, когда ветер шевелил кудри на отрубленных головах твоих врагов. И даже сейчас, когда ты стар, слаб и почти слеп, я верю в тебя, сын.

Чужак взвыл, словно раненый издыхающий зверь, баюкая руку, что уже начинала наполняться жидким огнем:

- Так почему ты не пришла ко мне, когда я молил тебя об этом?! О, жестокая, жестокая мать!

Ветер, наполненный гнилостными запахами болотных испарений, качал голые ветви яблонь, тихо царапая древние стены:

- Я восхищалась твоей силой. Я боялась ее. Но знала - она иссякнет, и ты вернешься ко мне.

Лицо чужака перекосило от боли, по морщинистым щекам потекли горячие дорожки слез. Он словно не слышал слов старухи, торопливым безумным шепотом обращаясь полузабытому образу, скрытому глубоко в недрах своей железной плоти.

- Я строил для тебя храмы. Сотни и сотни идолов. Тысячи священников и проповедников твоего имени. Твоего имени, мама!

Прохлада сквозняка ласково коснулась красной, распухшей руки чужака, причиняя нестерпимую боль и краткое облегчение.

- Ты знал, что я не идол. Я не требую жертв. Я даром отдаю блага и беды и тем, кто их желает, и тем, кто от них бежит. Но ты сделал так, что даже самые искренние молились лишь моему умерщвленному образу, потому что настоящая я должна была принадлежать лишь тебе. Но это ты всегда был моим. Моим! - застонала проседающая земля. - Моим от плоти до мыслей!

- Твоим... - голос чужака осел, почти растворяясь в вое сквозящих щелей. - Я так любил тебя, что долгие годы приказывал своим лучшим ищейкам найти и привести тебя ко мне, чтобы я мог взглянуть в твои глаза, а затем убить... Или исцеловать твои ладони. Не помню, чего мне хотелось больше, - он тяжело втянул воздух в судорожно сжимающиеся легкие. - Они заглянули в каждый уголок Старого и Нового Света, обшарили каждый дом, каждую конюшню и овчарню. Но никто из них даже не почувял твоего духа. Я был так одинок, мама...

Ответом ему была тишина. Тяжелое, крепкое тело чужака, содрогаясь, упало на тоскливо всхлипнувший пол, а из ослабевших губ вместе с горькой пеной тек горячечный бред:

- Прожив так долго, я все еще слаб... Слаб, как ребенок. Вечный младенец... что умирает от старости в твоей утробе, мама. Умирает... и отравляет ее. Что ж ты никак не разродишься...

Скрипнула дверь, ночь влажной стопой скользнула в проем, волоча за собой изодранную скорбь бурьяна, тоску отравленных песков и сонм смрадных торфяных кошмаров.

- Потому что я люблю тебя.

Чужак вздрогнул в последний раз, чувствуя, как лихорадка разводит раскаленные пальцы в его голове чудовищным цветком, и отчаянно, моляще прохрипел:

- Утешь меня, мама. Уйми мою боль, как унимала тогда. Помоги мне... Спаси меня, мама! Я умираю у твоих ног, мама...

Тупая, пульсирующая боль пылающей руки обратилась ее ласковыми пальцами.

- Я здесь, сын.